

В. О. Зверев, В. А. Иванов

**«Шпионские гнезда»
в Варшавском генерал-губернаторстве
России в 1906–1914 гг.
(по материалам уголовных дел)**

В отечественной историографии сформировалось искаженное представление об организации сетевого шпионажа в Санкт-Петербурге и европейской части России в 1906–1914 гг. Мифологизация русскими, советскими (а позже и некоторыми российскими) историками¹ соответствующей стороны деятельности немецкой и австрийской разведок породила околонучные суждения о повседневном и повсеместном характере работы их агентов, действовавших под прикрытием акционерных обществ, страховых компаний, поселений колонистов, а также пангерманистских обществ *Flotten Verein* и других «шпионских гнезд»².

Однако, в отличие от данных о «тотальном шпионаже» западных соседей России, не подтвержденных историческими документами и являющихся лишь гипотетическим знанием, мы обнаружили сведения о реально функционировавших «шпионских гнездах» в городах Варшавского генерал-губернаторства. В основу доказательственной базы, раскрывающей тезис о наличии организованной преступной деятельности немецких и австрийских шпионов, легли материалы 140 уголовных дел³ из фондов Государственного архива Российской Федерации и меуары В. Г. Орлова.

***Зверев Вадим
Олегович***

д-р ист. наук, доц.,
Омская академия
МВД России (Омск,
Россия)

***Иванов Виктор
Александрович***

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Подчеркивая обоснованность выбора в пользу названного мемуариста, позволим себе важную ремарку. Владимир Григорьевич Орлов в предвоенные годы был одним из признанных знатоков и востребованных специалистов в области судебного следствия в округе Варшавской судебной палаты. Занимая должность следователя по особо важным делам Варшавского окружного суда, он лично или в составе оперативных групп успешно расследовал уголовные дела в отношении более чем 30 фигурантов, обвинявшихся в сотрудничестве с немецкой и австрийской разведкой. Девять из обвиняемых предстали перед судом⁴.

Циркуляром министра юстиции И. Г. Щегловитова прокурорам судебных палат от 31 марта 1914 г. № 1188 коллежский асессор В. Г. Орлов был назначен главным чиновником, ответственным за организацию предварительного следствия по делам о шпионаже в округе Варшавской судебной палаты⁵.

Описываемые в произведении бывшего следователя В. Г. Орлова «шпионские дела», очевидцем или участником которых он был сам (со стороны органов правосудия), находят полное подтверждение в первоисточниках упомянутого выше федерального архивохранилища страны.

Таким образом, взятый за основу литературный труд видного деятеля контрразведки, внесшего весомый личный вклад в постановку борьбы с иностранной агентурой и изменниками Родины в пределах западного пограничья России, является не только дополнительным, но и ценным источником достоверных сведений по истории отечественных органов государственной безопасности (1906–1914 гг.).

Переходя к изложению и интерпретации многочисленных фактов иностранного военного шпионажа на территории Варшавского генерал-губернаторства, а также доказыванию наличия в нем функциональных военно-преступных организаций и групп, обратим внимание на важное обстоятельство. Предметом разведывательного интереса иностранных военных ведомств были не только значительные вооруженные силы Варшавского военного округа⁶, а именно: пять армейских корпусов (5-й, 6-й, 14-й, 15-й и 19-й) и входившие в них восемнадцать дивизий (пехотных и кавалерийских), двадцать бригад (пехотных, стрелковых и артиллерийских) и т. д. В фокусе пристального и длительного внимания оказались шесть крепостей — Варшавская, Новогеоргиевская, Брест-Литовская, Ивангородская, Осовецкая, Зегржская.

Кроме того, неочевидный враг понимал, что все документальные сведения об оборонной мощи округа сосредоточены в его штабных подразделениях. По нашим подсчетам, одних только корпусных, дивизионных, полковых и батальонных штабов (с учетом штаба начальника варшавского укрепленного района и штабов перечисленных выше крепостей) было 185⁷. В каждом из них хранились десятки секретных дел и документов для служебного пользования.

На реализацию мероприятий по сбору военных сведений о потенциальном противнике германский и австрийский Генеральные штабы направили все ресурсы.

«Шпионские гнезда» военной разведки Германии

По имеющимся в распоряжении авторов статьи данным, в пределах Варшавской, Калишской, Петроковской, Сувалкской, Ломжинской, Келецкой и Плоцкой губернии в межвоенный период действовали и/или были разоблачены ряд шпионских организаций⁸ и групп⁹.

Шпионская организация Цегельского — Радзиминской. В октябре 1907 г. сотрудники варшавского жандармско-полицейского управления задержали пассажиров поезда № 19 крестьянина Э. Цегельского и его супругу К. Радзиминскую, следовавших по Варшаво-Венской железной дороге в сторону австрийской границы. В ходе досмотра и последующего обыска у них были изъяты фальшивые германские паспорта на имя Станислава и Брониславы Кубяк, а также три копии действующего мобилизационного расписания № 18, семь подлинников различных мобилизационных документов по Привислинской железной дороге и другие «документы чрезвычайной важности»¹⁰.

К уголовной ответственности по этому делу были привлечены Эдуард Цегельский, Каролина Радзиминская, Анатолий Шишов, Э. К. Радзиминская, Иосиф Карасек, Иван Цызман, а также чертежник мобилизационного отдела управления Привислинских железных дорог А. Мицкевич и столоначальник того же отдела В. Шабанов (в отношении последних двоих обвинения вскоре были сняты ввиду отсутствия у следователя по особо важным делам С. Д. Гуглинского данных, дающих право подозревать их «в похищении с корыстной целью вверенных им по службе мобилизационных документов»)¹¹.

Во время следствия главный обвиняемый в шпионаже Цегельский признался в том, что летом 1906 г. он познакомился в г. Варшаве с германским подданным, жителем г. Иновроцлава Романом Пилярд, «склонившим его доставать прусским военным властям за денежное вознаграждение разные документы, касающиеся военной мобилизации в России»¹².

В январе 1908 г. все участники разоблаченной шпионской организации, которым инкриминировалось совершение преступного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 112 Уголовного уложения 1903 г. (снятие без разрешения плана или составление рисунка, или описания российского укрепленного места с целью сообщения правительству или агенту иностранного государства), предстали перед Варшавским окружным судом. Судья приговорил Э. Цегельского, К. Радзиминскую и А. Шишова к шести годам исправительных работ, Э. К. Радзиминскую, И. Карасека и И. Цызмана к двум годам исправительных работ¹³.

Шпионская организация Германов. В 1909 г. склоненные к сотрудничеству немецкой разведкой жители Варшавы отец и сын Бертольд и Бруно Герман сумели передать немецким эмиссарам — Меркмалю и Р. Новелю — трехверстную топографическую карту Привислинского края, фотографический снимок варшавского крепостного форта. Кроме того, Б. Герман «узнал, какие воинские части стоят по линии Люблин — Ковель — Казатин — Жмеринка — Проскуров — Волочиск, сообщил об уходе на Кавказ вторых батальонов варшавских крепостных полков, сообщил об отсутствии гаубичных батарей и остроконечных патронов в войсках Варшавского военного округа. Бр. Герман

сфотографировал крепость Зегрж, варшавский крепостной форт и строящийся мост через р. Вислу. Также он передал трехверстную топографическую карту Привислинского края по району «Варшава — Седлец», сообщил приказы по 3-му округу пограничной стражи, сообщил о назначении генерала Ключева начальником Штаба Варшавского военного округа и об уходе от этой должности генерала Чурина»¹⁴.

За предоставленные услуги немцы заплатили Б. и Бр. Германам 1000 руб.¹⁵

Против германского подданного Рейнгольда Новеля возбуждено уголовное преследование.

В 1909 г. Бр. и Б. Германы, а также их соучастники Елена Герман и Лоренц Францман предстали перед Варшавским окружным судом за совершение преступления, предусмотренного ст. 111 Уголовного уложения 1903 г. (приговор неизвестен)¹⁶.

Шпионская организация Хвесюка — Поликсы. 27 февраля 1911 г. в пограничной с Пруссией деревне Богуше при осмотре дома крестьянки Анны Поликсовой¹⁷ полицейские стражники обнаружили «рукописные записки об артиллерийском вооружении форта № 4 Брест-Литовской крепости и о формировании в той же крепости тяжелого дивизиона». При обыске у Л. Хвесюка (постоялец Поликсовой) обнаружены: печатный приказ по 195-му пехотному резервному Дубненскому полку (место квартирования — г. Брест) со сведениями о личном составе полка и данными о вооружении вышеупомянутого форта Брест-Литовской крепости¹⁸.

7 марта 1911 г. начальник ломжинского губернского жандармского управления возбудил против арестованных формальное дознание в порядке ч. 1. ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства по п. 1. ч. 2. ст. 112 Уголовного уложения 1903 г.¹⁹ В дальнейшем привлеченный эксперт-графолог дал заключение о том, что вышеназванные «рукописные записки» были сделаны рукой Хвесюка²⁰. Также было установлено, что третий фигурант — Эдуард Поликсов — переправлял добытые секретные документы в Пруссию²¹.

10 июня 1911 г. дело по обвинению Хвесюка, А. и Э. Поликсовых было предано военному правосудию. Хвесюк был осужден Варшавским военно-окружным судом к шести годам каторги²². Приговор в отношении других подсудимых неизвестен (соответствующих архивных указаний на сегодняшний день не обнаружено).

Шпионская организация Николайского — братьев Антосевичей — Бема. Описание отдельных обстоятельств преступной деятельности немецкого подданного, поляка, крестьянина Шимона Николайского, а также его поделчиков — чиновника варшавского почтово-телеграфного бюро Петра Антосевича (литовский крестьянин) и германского резидента Эрнеста Бема, находим в воспоминаниях В. Г. Орлова. Автор, будучи в то время следователем по данному делу, пишет: «...нам только что удалось разоблачить еще одно опасное шпионское гнездо. Петр Антосевич был взят с поличным в тот самый момент, когда доставал из кармана *планы обороны Варшавы* (курсив наш. — В. З., В. И.), чтобы передать их немецкому шпиону — некоему Эрнсту Бему»²³.

Подтверждением данного преступного эпизода стали архивные указания на Николайского, Петра и Павла Антосевичей, Бема, привлеченных в июле 1913 г. к уголовной ответственности по ч. 1. ст. 111 Уголовного уложения 1903 г. (в ред. Закона от 5 июля 1912 г. «О шпионаже»)²⁴. Но главное — найдено документальное свидетельство о том, что Петр Антосевич шпионил в пользу Германии, передавая противнику копии военных приказов²⁵.

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, обвиняемые братья Антосевичи в июне 1914 г. предстали перед Варшавской судебной палатой²⁶. Вынесенный правосудием вердикт, как и судьба вышеназванных фигурантов уголовного дела, на сегодняшний день остается невыясненным.

Шпионская группа Кравчика — Вильтосинского. Находившиеся в агентурной разработке у жандармов крестьянин Андреевского уезда Келецкой губернии Викентий Кравчик и мещанин г. Сосновицы Петроковской губернии Казимир Вильтосинский 14 декабря 1909 г. были задержаны за хищение мобилизационных документов. Начальник петроковского уездного жандармского управления возбудил против арестованных формальное дознание в порядке ч. 1, ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства по ст. 111 и 112 Уголовного уложения 1903 г.²⁷

11 июня 1910 г. предварительное следствие по делу Кравчика — Вильтосинского передано для рассмотрения в Варшавский военно-окружной суд²⁸. Приговор до сих пор неизвестен.

Шпионская группа Келлера — Шперлинга. В сентябре 1909 г. в г. Суwalkи жандармы арестовали военнослужащего 3-й конноартиллерийской батареи Германа Келлера. В результате проведенного в его квартире обыска была обнаружена подлинная «ведомость нижним чинам запаса, подлежащим призыву на суwalkский сборный пункт и отправлению с него по дням мобилизации» (дата составления документа 1906 г., утверждения — 1908 г.) и другие служебные документы²⁹.

Из показаний Келлера следует, что с 1906 г. он неоднократно встречался с прусским подданным Шварцем (он же Г. Шперлинг) и передавал ему копии секретных бумаг (например, «сведения о числе призывных на случай объявления мобилизации»), а также мобилизационное расписание № 18. В их приобретении помогли писарь суwalkского воинского начальника Антон Бот (в мае 1909 г. он эмигрировал в США) и занимавшийся чертежными работами мещанина Болеслав Петкевич. Все они работали небезвозмездно, а сам Келлер получил 650 руб.³⁰

Приговором Особого присутствия Варшавской судебной палаты от 28 октября 1910 г. Келлер и Шперлинг за преступное деяние, предусмотренное ст. 51 и 111 Уголовного уложения 1903 г. (сообщение правительству или агенту иностранного государства плана, рисунка, документа и др.), приговорены к лишению прав состояния и ссылке на каторжные работы на четыре года каждый. Срок отбывали в Кальварийской тюрьме (Минская губерния).

Шпионская группа Дудорова — Кузьмичева. По сведениям варшавской контрразведки, к 1911 г. канониры 9-й роты Новогеоргиевской крепости В. И. Абашкин (дезертировал в Пруссию), П. Кузьмичев и М. Дудоров составили

преступную группу для передачи германскому резиденту военных сведений. В г. Торн по конспиративному каналу связи на имя некоего «Кайзера» Кузьмичев сообщил об «ожидающемся прибытии в крепость запасных в числе 1908 чел. с указанием сроков службы (1905, 1906 гг.) и о времени практической стрельбы предстоящих маневров и дислокации полков 2-й пехотной дивизии, расположенных в крепостном районе»³¹. Дударев описывал краткие сведения о составе гарнизона Новогеоргиевской крепости, форме одежды войск и предполагающихся работах на новостроящихся фортах. В этих же письмах он указывал точные данные о расположении и количестве пороховых погребов, находящихся в крепости³².

Кузьмичев и Дударев приговорены Варшавским военно-окружным судом к каторжным работам с лишением всех прав состояния и воинского звания, первый на шесть лет, второй — на пять лет два месяца и 21 день³³.

«Шпионские гнезда» военной разведки Австро-Венгрии

Шпионская организация Вина — Розензафта — Сакса. В апреле 1911 г. сотрудники жандармского управления Ченстоховского и Новорадомского уездов Петроковской губернии задержали Ицека Файвеля Вина, Мошека Розензафта, позже — Мошека Иосека Сакса и Герцика Ржезака за попытку приобрести у младшего писаря 7-го стрелкового полка Нефедова «наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты 1885 г. и... приказы по войскам Варшавского военного округа за 1910 год» (преступники пообещали заплатить за эти документы 25 руб.). Данным лицам было предъявлено обвинение в шпионаже, предусмотренное ст. 111 Уголовного уложения 1903 г.³⁴ В дальнейшем расследованное деяние было квалифицировано как преступление, предусмотренное п. 1, ч. 3, ст. 112 Уголовного уложения 1903 г.

Если Вин непосредственно участвовал в покупке указанных документов (а шурин Вина их прятал), то Розензафт направил некоему Саксу телеграмму: «Бондин. Шмулю Саксу приезжай, есть морковь». Условный текст означал: документы приобретены и их можно забирать. Сакс, по нашему предположению, был курьером для доставки военных сведений на границу с Австро-Венгрией или резидентом.

К июню 1912 г. четверо участников преступного сообщества были осуждены Варшавской судебной палатой³⁵. Содержание приговора выяснить не удалось.

Шпионская организация Штейна. В своих мемуарах В. Г. Орлов подробно описывает событийную эволюцию «шпионского дела полковника Штейна», которую условно можно отобразить так: вино, карты → женщина → долги → вербовка в австрийском Генеральном штабе → измена Родине³⁶. К этой классической схеме, пожалуй, добавим некоторые недостающие детали.

По данным Департамента полиции МВД Российской империи, при задержании и обыске 4 мая 1913 г. у Ивана Иванова Штейна были обнаружены: «...2) три таблицы действия с пулеметами Максима на станке системы Соколова с таблицей под заглавием признаки причины задержек при стрельбе из пу-

лемета Максима... 4) описание выючной амуниции, выючных приспособлений и выючки пулеметов со станками системы полковника Соколова... 6) 200 вырезок портретов начальствующих лиц из «Разведчика» за разные годы... На чертежах, таблицах и описаниях отпечатано «Весьма секретно»³⁷.

По уголовному делу командира равского гарнизона полковника Штейна, как его ошибочно именовал В. Г. Орлов (в архивных материалах Штейн значится как бывший воинский начальник Равского уезда Петроковской губернии, капитан) были привлечены: Иоган Болеховский, Арнольд Барт, Вильгельм Баранек, австрийский подданный Стефан Сорощук (он же Михаил Скорошук), германские подданные Эмиль Лямль и Людовик Бадовский. Все они обвинялись по ст. 111 Уголовного уложения 1903 г.³⁸

Ареал деятельности шпионской организации Штейна, по утверждению министра юстиции, охватывал «районы округов Варшавской, Одесской, Киевской и других судебных палат»³⁹.

В мае 1916 г. уголовное дело Штейна и еще троих обвиняемых (Сорощука, Болеховского и Барта) было передано в Двинский военно-окружной суд театра военных действий⁴⁰. Приговор неизвестен.

* * *

Рассматривая состояние организованной преступности в западноевропейских губерниях России, мы брали во внимание лишь те эпизоды группового шпионажа, которые были выявлены и успешно расследованы, а фигуранты по «шпионским делам», получив процессуальный статус обвиняемых-подсудимых, предстали перед судебными инстанциями (в ряде случаев они были приговорены к реальным срокам лишения свободы). Такой подход позволил сфокусироваться лишь на реально существовавших «шпионских гнездах».

На основании вышесказанного обоснуем тезис о наличии в Варшавском генерал-губернаторстве эффективных военно-преступных формирований и высокого уровня угрозы от их действий государственной и общественной безопасности посредством выделения системы признаков противоправной деятельности.

1. Групповая преступность была *широко распространена*. Опуская небольшое число участников шпионских формирований с недоказанной виной (в прокурорской переписке нередко встречался термин «освобожден ввиду недостаточности улик») и не пренебрегая элементом латентности криминальной среды, отметим, что на территории генерал-губернаторства было разоблачено девять «шпионских гнезд». Суммарный показатель «организованных преступников» (т. е. лиц, совершивших военные преступления в составе группы и привлекавшихся к уголовной ответственности по конкретным делам в качестве соучастников), по нашим подсчетам, составил 28 чел. Речь идет об одном подданном двуединой монархии и русскоподданных, которые предстали перед скамьей подсудимых. Здесь же упомянем 16 чел., проходивших по материалам дел о военно-преступных группах и избежавших по разным причинам уголовной ответственности (наиболее распространенные причины:

пребывание за границей, дезертирство, эмиграция, недостаток улик). Из них: австрийских подданных — трое, подданных Германской империи — четверо, русскоподданных — девять человек.

2. Действия «организованных преступников» осуществлялись в *условиях неочевидности*. Ее проявлениями были конспиративные контакты, связи и отношения, использование условных знаков в письменной речи, вымышленных имен (в том числе псевдонимов) и поддельных документов, зашифрованных каналов почтовой связи. Сама же организация групповой деятельности шпионов не предусматривала межгрупповые сношения и осуществлялась в обстановке строгой конфиденциальности.

3. Организованная военная преступность *продолжалась долгое время*. Судя по некоторым архивным данным, приблизительная продолжительность «криминальной жизни» пяти из девяти преступных формирований составляла: пять и восемь месяцев; один год; один год; три года. Данные хронологические отрезки в обстановке приближавшейся мировой войны и в благоприятных условиях ведения приграничной разведки являлись вполне достаточными для нанесения точечного и скрытного удара по безопасности военных объектов / вооруженных сил и интересов военной безопасности России в целом.

4. Успешный сбор военных сведений о русской обороне предполагал *распределяемость ролей в преступных группах*. Первые из их членов (как правило, завербованные иностранными разведками русскоподданные поляки, русские, евреи, литовцы) искали носителей секретной информации и склоняли их к сотрудничеству на платной основе; вторые — секретноносители (например, штабные писари и другие должностные лица) — снимали копии с секретных документов для продажи. Третьим звеном в этой цепочке были резиденты или эмиссары иностранных разведок, которые являлись заказчиками конкретных военных сведений и/или штабных документов, а также их получателями. Они же в большинстве случаев переправляли полученные данные за границу.

5. Высокий уровень работоспособности «организованных преступников» стимулировался их *достойным денежным обеспечением*. Его диапазон был широк. Величина гонораров за единовременные услуги агентов и их регулярное сотрудничество с разведками варьировалась от нескольких десятков до сотен рублей. «Прейскурант цен» на секретные услуги, в свою очередь, был тоже нефиксированным. Определение сторонами стоимости «товара» имело договорную основу.

6. Работа «организованных преступников» *осуществлялась преимущественно на приграничных территориях*. В фокусе пристального внимания германского и австрийского Генерального штаба находились лишь войска Варшавского военного округа — их штабные подразделения и отдельные военнослужащие (как правило, нижние чины), имевшие доступ к служебным, а порой и секретным материалам. Официальные данные о потенциале соседних войсковых объединений (допустим, циркуляры об организации армейской службы) немцами и австрийцами не запрашивались. И лишь единожды, как выяснилось, деятельность конкретной шпионской организации вышла за пределы Варшав-

ского округа и охватила территорию юго-западных военных округов, приняв региональный характер.

7. Германский и австрийский шпионаж имел принцип *сетевого построения*. Он был обусловлен наличием, как правило, независимых друг от друга структурно-функциональных элементов (шпионских организаций и групп). Интегративным свойством многокомпонентной сети являлась ее целостность. Каждая из шпионских сетей создавалась как нечто единое, включающее в себя пространственные, временные, функциональные и коммуникативные внутригрупповые связи. Здесь же отметим целенаправленность сетевых организаций. Они, как социально-криминогенные организмы, обладали общей целью и алгоритмом ее достижения. В общесетевой/межсетевой цели — системная девальвация оборонной мощи войск и фортификационных сооружений Варшавского военного округа — имелись подцели, т. е. цели структурных компонентов («шпионских гнезд»). Наконец, последним качественным показателем шпионских сетей была их управляемость из одного центра. Германский и австрийский Генеральные штабы осуществляли общее руководство организацией разведки через посредничество своих эмиссаров и резидентов, которых мы причисляем к участникам «шпионских гнезд».

8. Деятельность криминальной (шпионской) среды отличалась *высокой степенью результативности*. Основным ее критерием, на наш взгляд, было общее количество добытых и переданных европейским разведкам документов военного значения. По нашим приблизительным оценкам, их было свыше тридцати (в эту сумму не включены отправленные противнику разведывательные донесения, ставшие известными следственным органам или не попавшие в поле их зрения). Причем у немцев и австрийцев оказалось более десятка секретных документов. Приказы по войскам, карты Привислинского края, фотографии варшавской, згержской и новогеоргиевской крепостей, данные о дислокации войск и кадровых перемещениях высшего начальствующего состава дополняли уже имевшиеся представления об обороноспособности Варшавского военного округа, завершая тем самым формирование объективной картины будущего театра военных действий.

9. Групповая военно-шпионская преступность оказывала *вредоносное воздействие на морально-политический облик военнослужащих* передовых частей и крепостных гарнизонов. На смену незыблемым духовно-нравственным и патриотическим доминантам, культивировавшимся в русской армии столетиями, порой приходили псевдоценности (деятельное стремление и неумеренное желание, склонность к получению материальных благ и выгоды), продиктованные сугубо меркантильными интересами. Феномен предательства уже не воспринимался как тяжкий мировоззренческий проступок и религиозный грех, сопровождающийся глубокими душевными терзаниями.

10. Групповому шпионажу была свойственна *высокая степень общественной опасности*. Шпионаж причинил безусловный вред общепринятому пониманию нравственных и этических правил существования неоднородного варшавского общества. Альтернативой традиционным представлениям немалой его части о «дружбе» и «вражде» (врагах русской государственности),

«добре» и «зле», разница между которыми все больше стиралась, становились искаженные ценности. Государственная измена все реже вызывала чувство внутреннего отторжения (личной неприязни) или порицание со стороны «соплеменников» / соотечественников / единоверцев. Сделка с врагом все чаще воспринималась в качестве обычного инструмента наживы. Безнравственный характер уголовно-правовых деяний (и покушений на преступления) нанес непоправимый ущерб во многом добропорядочному образу жизни пограничного населения.

11. Преступные формирования имели *семейную основу*. Каждое второе «шпионское гнездо» состояло из близких родственников. «Семейный шпионаж» становился залогом успешного претворения противоправных замыслов в жизнь и оптимальной моделью эффективной реализации всех вышеназванных признаков преступной деятельности.

Выделенная нами на примере западных пограничных губерний России взаимосвязанная совокупность признаков преступной деятельности свидетельствует об упорядоченном, регулярном, бесперебойном и результативном характере функционирования профессионально-шпионской среды, а также о ее неочевидном и дестабилизирующем воздействии на патриархальные устои государства и общества.

Подводя итоги, отметим, что вскоре после Русско-японской войны в Варшавском генерал-губернаторстве были созданы широко разветвленные (охватывающие большинство административно-территориальных единиц) законспирированные «шпионские гнезда» союзных Германии и Австро-Венгрии. Они добывали своевременные, достоверные, важные и конкретные военные сведения о передовых рубежах русской обороны.

К началу Первой мировой войны командования германской и австрийской армий имели полное представление о планах мобилизационного развертывания русских войск, располагали топографическими картами западноевропейской части России и фотографическими изображениями фортификационных сооружений, знали места дислокации многих воинских частей, искомые приказы по войскам и др. Максимальная осведомленность агрессора не могла не сыграть решающую роль в ходе боев на Варшавском выступе в августе — сентябре 1914 г.

¹ См., напр.: *Резанов А. С.* Немецкое шпионство (Книга составлена по данным судебной практики и другим источникам). 2-е изд. Пг., 1915. С. 219–222; *Никитинский И., Софинов П.* Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. Тбилиси, 1942. С. 43–50; *Кудряшов С.* Немецкий шпионаж в России // *Родина*. 1993. № 5–6. С. 93; *Кирмель Н. С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 124; и др.

² Под термином «шпионские гнезда», часто употреблявшимся в специальной литературе советского времени, а раньше и в документообороте царской полиции и военной контрразведки, мы понимаем преступные формирования (шпионские организации и группы).

³ Под термином «уголовные дела» в статье подразумеваются накопительные дела с типовым названием «Производство прокурора Варшавской Судебной палаты по наблюдению за делом об _____, обвиняемом по ст. ____ Уголовного уложения». В них были собраны про-

токолы обысков и допросов, экспертные и обвинительные заключения, материалы переписки с жандармскими управлениями и контрразведкой, циркуляры и пр.

⁴ См. об этом: *Зверев В. О.* Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904–1914 годы): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2018. С. 59 (Приложения 1, 2).

⁵ Исторический архив Омской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 749. Л. 28.

⁶ Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Варшавского военного округа к 1 января 1910 г. Варшава, 1910. С. 1–5, 43–44.

⁷ Там же. С. 1–40.

⁸ Под категорией «шпионская организация» мы понимаем группу лиц из трех и более человек, арестованных в рамках одного уголовного дела.

⁹ Под категорией «шпионская группа» мы понимаем группу лиц из двух человек, арестованных в рамках одного уголовного дела.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 222. Оп. 1. Д. 886. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 9, 20.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ *Зверев В. О.* Система мер противодействия... С. 458–459 (Приложение 2).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 895. Л. 8, 9, 11.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ *Зверев В. О.* Система мер противодействия... С. 459–460 (Приложение 2).

¹⁷ В некоторых документах эта фамилия пишется как «Поликса».

¹⁸ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 905. Л. 1.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 11, 15; Д. 909. Л. 9.

²³ *Орлов В. Г.* Двойной шпион. Записки русского контрразведчика / пер. с англ. С. Шульженко. М., 1998. С. 20.

²⁴ ГАРФ. Ф. 287. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 33. Л. 71.

²⁶ *Зверев В. О.* Система мер противодействия... С. 464 (Приложение 2).

²⁷ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 900. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 22.

²⁹ Там же. Д. 898. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 1, 4.

³¹ Там же. Д. 598. Л. 7.

³² Там же. Л. 8.

³³ Там же. Л. 30; Дело о государственной измене // Черноморская речь. № 10. 19 января 1912. С. 3.

³⁴ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 907. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ *Орлов В. Г.* Двойной шпион... С. 25.

³⁷ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 614. Л. 36.

³⁸ Там же. Ф. 222. Оп. 1. Д. 930. Л. 11, 51, 69.

³⁹ Там же. Л. 75.

⁴⁰ Там же. Л. 111.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зверев В. О., Иванов В. А. «Шпионские гнезда» в Варшавском генерал-губернаторстве России в 1906–1914 гг. (по материалам уголовных дел) // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.105>
УДК 94(47).083

Аннотация: В статье рассматривается феномен организованной преступной деятельности военно-шпионских формирований на территории Варшавского генерал-губернаторства в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Освещение этого исторического отрезка стало возможным благодаря введению в научный оборот уникальных документов об иностранном шпионаже, прежде всего хранящихся в фондах Государственного архива РФ. Материалы переписки жандармов, контрразведки и канцелярии варшавского генерал-губернатора, циркуляры, агентурные сведения о мероприятиях иностранных разведок помогли пролить свет на малознакомую историю группового шпионажа. Были раскрыты цели и задачи отдельных «шпионских гнезд», формы и методы их работы, удалось познакомиться с некоторыми результатами организованной шпионской преступности. Основным подтверждением «шпионского прошлого» варшавских губерний стали архивные материалы формального дознания и/или предварительного следствия (уголовные дела), касающиеся немецкого и австрийского шпионажа. Изучение подшитых в уголовных делах представлений прокурору Варшавской судебной палаты, писем прокуроров окружных судов, судебных следователей, чиновников Министерства юстиции позволило взглянуть на реальную картину шпионажа. Имена агентов и эмиссаров/резидентов немецкой и австрийской разведки, масштабы разведдеятельности Германии и Австро-Венгрии на западе России, стоимость секретных документов и величина гонораров за сотрудничество с врагом, судебная практика по делам о шпионаже — вот неполный перечень документально подтвержденных сведений. По итогам проведенного исследования было установлено общее количество функционирующих в Варшавском генерал-губернаторстве шпионских формирований (сетей) и «шпионских гнезд», а также численность «организованных преступников» и лиц, причастных к совершению криминальных деяний, но избежавших уголовной ответственности. Кроме того, были выявлены признаки преступной деятельности, свидетельствовавшие о высоком уровне функциональности профессионально-шпионской среды.

Ключевые слова: шпионские гнезда, военные сведения, мобилизационные документы, крепости, агентура, жандармы, военные угрозы, Первая мировая война.

Сведения об авторах: *Зверев В. О.* — д-р ист. наук, доц., Омская академия МВД России (Омск, Россия); zverevoma@mail.ru | *Иванов В. А.* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); saw357@mail.ru

Омская академия МВД России, Россия, 644092, Омск, пр. Комарова, 7

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Zverev V. O., Ivanov V. A. "‘Nests of Spies’ in Russia’s Governorate-General of Warsaw in 1906–1914 (material from criminal cases)", *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 83–95. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.105> (In Russian)

Abstract: The article examines organized criminal activity by military espionage formations on the territory of the Warsaw Governor General between the Russian-Japanese War and the First World War. The study of this historical case became possible with the appearance of unique documents on foreign espionage, primarily stored in State Archive of the Russian Federation (GARF). The correspondences of gendarmes, counterintelligence and the Office of the Warsaw Governor-General, circulars, and intelligence on foreign intelligence activities helped shed light on the unfamiliar history of such group espionage. The goals and objectives of individual “nests of spies,” and forms and methods of their work, were revealed, providing a glimpse into some activities of organized crime by spies. Archival materials from formal inquiries and preliminary investigations for criminal cases on German and

Austrian espionage were the main confirmation of a "spy past" in the Warsaw provinces. A study of criminal cases filed with the prosecutor of the Warsaw Court of Justice, and letters from prosecutors of district courts, judicial investigators, and officials of the Ministry of Justice provide a real picture of such espionage. The names of agents and emissaries or residents of German and Austrian intelligence, the scale of German and Austro-Hungarian intelligence activities in western Russia, the cost of secret documents, fees for cooperation with the enemy, judicial practice in espionage cases — this is not a complete list of information in these document. According to this study, the total number of spy networks and "spy nests" functioning in the Warsaw Governor-General can be established, as well as the number of "organized criminals" and those involved in committing criminal acts but avoiding criminal liability. In addition, signs of criminal activity indicated high functionality of this professional spy environment.

Keywords: spy nests, military information, mobilization documents, fortresses, agents, gendarmes, military threats, First World War.

Authors: *Zverev V. O.* — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russia); zverevoma@mail.ru | *Ivanov V. A.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); saw357@mail.ru

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, Russia
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya st., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

Rezanov A. S. *Nemetskoe shpionstvo (Kniga sostavlena po dannym sudebnoj praktiki i drugim istochnikam)*, 2nd ed. (Petrograd, 1915).

Nikitinskiy I., Sofinov P. *Nemetskiy shpionazh v Rossii vo vremya vojny 1914–1918 gg.* (Tbilisi, 1942).

Kudryashov S. 'Nemetskiy shpionazh v Rossii', *Rodina*, no. 5–6, 1993.

Kirmel N. S. *Organizacia russkoy kontrrazvedki i ee borba s yaponskim i germanskim shpionazhem v Sibiri (1906–1917 gg.)* [Candidate of History Dissertation] (Irkutsk, 2000).

Zverev V. O. *Sistema mer protivodejstviya ugrozam voennoy bezopasnosti Rossijskoy imperii (1904–1914 gody)* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2018).

Orlov V. G. *Dvoynoy shpion. Zapiski russkogo kontrrazvedchika* (Moscow, 1998).

Received: April 16, 2018

Accepted: December 3, 2018